

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ *

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИИ

По вызову московского князя Василия Ивановича Максим покинул Афон в 1516 г. и в марте 1518 г. прибыл в Россию. Здесь он оставался до самой смерти, последовавшей в 1556 г., т. е. в течение 38 лет, из которых около 26 лет провел в заточении. Несмотря на суровые преследования со стороны светской и церковной власти и на тяжкие условия тюремной жизни, Максим Грек написал за время своего пребывания на Руси свыше 360 сочинений самого разнообразного содержания, в которых откликнулся на все крупнейшие явления и запросы русской действительности.

Какое из указанных выше культурных направлений, под воздействием которых он находился в первую половину своей жизни, доминировало в его литературной деятельности на Руси?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего кратко остановиться на той обстановке, в которой очутился призванный с Афона ученый монах, так как новая культурная среда неизбежно должна была повлиять на направление его деятельности.

Максим прибыл на Русь в переломный период, когда в социально-экономической и политической структуре русского общества происходили серьезные сдвиги.

В недрах русского феодализма возникло и развивалось товарно-денежное хозяйство. Следствием этого было неудержимое стремление светских и церковных землевладельцев и городских верхов к накоплению денежных богатств, что в свою очередь сопровождалось бесчеловечной эксплуатацией крестьян и трудящихся масс города. Помимо увеличения денежных оброков и всякого рода сборов, широкое распространение получило ростовщичество, особенно в церковных и монастырских вотчинах.

В области политической расширялось и укреплялось русское централизованное государство, которое в борьбе с феодальными сепаратистами искало себе опору в поместном дворянстве и торгово-промышленном населении городов.

В сложной социально-экономической и политической обстановке происходил бурный подъем общественно-политической мысли, в которой наметилось несколько течений, отражавших интересы разных классов.

Первым следует назвать консервативно-реакционное течение, выражавшее интересы правящих феодальных верхов и господствующей церкви. Оно решительно отвергало какие-либо прогрессивные нововведения в области культуры, церковно-общественной и политической жизни и

* Начало см. ВВ, 33, 1972.

являлось оплотом старых форм феодальных отношений. Главными идеологами его были в первой половине XVI в. Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил.

Второе течение представляли идеологи поместного дворянства, составлявшего опору сильной централизованной власти: Ермолай-Эразм, И. С. Пересветов и автор «Беседы преп. Сергия и Германа—чудотворцев»¹.

Отстаивая прогрессивные для того времени принципы абсолютной монархии и намечая ряд преобразований в феодальной системе в соответствии с требованиями изменяющейся экономики на сторону развития товарно-денежного хозяйства, они, однако, не затрагивали самых основ феодальных отношений и феодальной эксплуатации.

Наконец, третьим течением, носившим прогрессивный характер, было движение нестяжателей и связанная с ним борьба за преобразование некоторых сторон не только церковной, но и социальной жизни. Движение это имело в своей основе антифеодальную направленность, так как выдвигало лозунги с протестом против присвоения чужого труда и разных форм феодальной эксплуатации². Подлинными идеологами нестяжательства были: Нил Сорский, Вассиан Патрикеев и старец Артемий³. Наиболее радикальное крыло нестяжательского движения представляли еретики Матвей Башкин, Феодосий Косой и их последователи. А. А. Зимин, говоря, что Максим Грек, как и все нестяжатели, являлся идеологом боярства⁴, отмечал, что «Феодосий Косой был учеником Артемия и разделял критические взгляды Максима Грека и Вассиана Патрикеева на монастырское землевладение. Сходство учения Феодосия Косого с отдельными взглядами Артемия, Максима Грека и Вассиана Патрикеева определялось тем, что все названные мыслители в разной мере выражали идеи, связанные с реформаторским движением. Однако, если нестяжатели только идеологи-

¹ В советской науке относительно Ермолая-Эразма и автора «Валаамской беседы» высказаны различные мнения. Большинство ученых считают Ермолая-Эразма дворянским идеологом (Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 185; А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 45—46; Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — В кн.: «Сочинения И. Пересветова». М.—Л., 1956, стр. 30—31; Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Эразма. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1953, стр. 251—253; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2, изд. 2-е. М., 1954, стр. 218); другие видят в нем защитника интересов крестьян (И. А. Садиков, А. С. Орлов. История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 487; И. У. Будовиц. Русская публицистика XVI в., стр. 221); А. А. Зимин объявляет Ермолая выразителем боярской идеологии (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 28). Автора «Валаамской беседы» И. У. Будовиц считает выразителем идеологии низшего монашества (указ. соч., стр. 271); А. А. Зимин полагает, что «Валаамская беседа» является памятником «позднего нестяжательства» (А. А. Зимин. Беседа валаамских чудотворцев как памятник позднего нестяжательства. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 205—208; *его же*. И. С. Пересветов и его современники, стр. 431). К нестяжательским творениям относят «Беседу» и Н. А. Казакова (ТОДРЛ, т. XII, стр. 388).

² В советской литературе широко распространен взгляд на нестяжателей как идеологов реакционного боярства. Ниже будет показано на примере нестяжательского учения Максима Грека, насколько ошибочен такой взгляд.

³ Некоторые исследователи ошибочно причисляют к нестяжателям таких деятелей первой половины XVI в.; боярина И. И. Третьякова-Ховрина, епископа Рязанского Кассиана, Волоколамского епископа Феодосия, протопопа Сильвестра, князя Андрея Курбского (Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1953, стр. 47, 67; Б. Рыбаков. Воиствующие церковники XVI века. — «Антирелигиозник», 1934, № 3—4, стр. 25). Но все эти лица, хотя и выражали иногда свое сочувствие отдельным представителям нестяжательства или некоторым пунктам их учения, прямого отношения к движению нестяжателей не имели. Если мы будем причислять к этому движению всех лиц, которые так или иначе соприкасались с ним или выражали иногда отрицательное отношение к стяжательству монастырей, то нам придется включить в состав нестяжателей не только некоторых лиц из дворянских и боярских кругов, но и самих великих князей Иоанна III, Василия III и Иоанна IV.

⁴ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 420.

чески подготовляли это движение, Феодосий Косой выражал его наиболее радикальное направление»⁵.

К какому из указанных выше общественных движений примкнул Максим Грек по прибытии на Русь?

В литературе принята точка зрения, согласно которой Максим Грек примкнул к движению нестяжателей, заняв в нем положение самого видного идеолога.

Считая этот взгляд в основном правильным, мы хотим сделать оговорку, что нестяжательские воззрения Максима Грека сформировались не на русской почве и не под влиянием Вассиана Патрикеева, как полагают некоторые советские исследователи⁶.

Как указывалось выше, нестяжательская идеология Максима Грека сложилась, когда он жил в Италии, под влиянием нестяжательской деятельности Савонаролы и наблюдения над жизнью некоторых доминиканских монастырей. Примеры нестяжательства он наблюдал и среди афонского монашества.

Русская действительность с ее острыми социальными конфликтами, с ее резкими контрастами между богатством монастырей и бедственным положением крестьян, особенно в церковных и монастырских вотчинах, оказала огромное влияние на Максима Грека в том отношении, что способствовала превращению его из пассивного теоретика в пламенного обличителя пороков церкви и монашества. В своей публицистической деятельности Максим шел не по стопам Вассиана, а собственным путем, развивая, углубляя и еще сильнее заостря требующие разрешения острые вопросы русской церковной и общественной жизни.

Поэтому мы видим его в качестве активного участника не только в борьбе за ликвидацию монастырских имуществ и преобразование некоторых сторон церковной и монастырской жизни, но и в разрешении многих других важных вопросов, волновавших мыслящих русских людей того времени. При этом он действует в согласии или в сотрудничестве с наиболее передовыми представителями русского общества.

Когда речь идет о культуре, он объединяет вокруг себя самых образованных людей, которые интересовались достижениями не только византийской, но и западноевропейской образованности: Ф. И. Карпова, В. М. Тучкова-Морозова, П. И. Шуйского, Андрея Курбского и др.

В вопросах общественно-политического порядка он во многом сближается с идеологами поместного дворянства — Ермолаем-Эразмом, Иваном Пересветовым и другими, вскрывавшими в интересах укрепления монархической власти многие недостатки существовавшей государственной администрации.

Таким образом, во время пребывания в России Максим Грек оказался связан с наиболее передовыми кругами русского общества, которым не чужды были идеи Ренессанса⁷. Можно сказать, что он явился как бы связующим звеном между реформационно-гуманистическими течениями Запада и России в первой половине XVI века. Это и определило в значительной степени основное направление его литературной деятельности московского периода.

⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 313—314.

⁶ В. Ф. Ржигза. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, I. Л., 1934, стр. 7, 15—17; Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель. — «История СССР», 1967, № 2, стр. 92—93. Вопрос этот нами подробно освещен в статье «К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека». — ВВ, XXIX, 1969, стр. 135—147.

⁷ Следует признать ошибочным мнение М. Н. Сперанского, что ко времени прибытия Максима «о влиянии эпохи Возрождения на Русь говорить не приходится, так как Русь для этого не имела подготовки. Идеи Возрождения и гуманизма до России не дошли» (М. Н. Сперанский. Лекции по истории русской литературы (Московский период). М., 1909, стр. 43—44).

Интерес к античной древности и «внешним» наукам вообще

Противопоставляя средневековому аскетизму новый идеал человека, активно относящегося к внешнему миру, представители раннего итальянского Ренессанса обратились к авторитетам античной культуры. Это объяснялось тем, что именно в античную эпоху обнаружилось активное стремление человека к знанию, образованности. Отсюда интерес ранних гуманистов не только к античному наследию, но и вообще к «внешним» наукам, касавшимся «мирских» вопросов и способствовавшим всестороннему интеллектуальному развитию.

В сочинениях Максима Грека поражает обилие имен античных и более поздних светских писателей, философов, поэтов, историков, мифологических и исторических героев и деятелей, что свидетельствует о широкой любознательности и начитанности афонского инока. Так, в разных сочинениях Максима мы встречаем имена (иногда с краткой характеристикой) философов: Аристотеля, Диагора, Эпикура, Эратосфена, Платона, Сократа, Пифагора⁸, писателей и историков: Гесиода, Гомера, Менандра, Фукидида, Плутарха, Иосифа Флавия⁹; императоров римских и византийских: Августа, Тиберия¹⁰, Нерона¹¹, Севера, Максенция, Феодосия, Маркиона, Юстиниана, Маврикия, Фоки, Константина Багрянородного; полководцев: Фемистокла, Ганнибала, Велизария; болгарского князя Крума¹², русского князя Дмитрия Донского¹³ и др. Помимо многочисленных упоминаний в отдельных произведениях древнегреческих богов и мифологических героев, Максим Грек написал специальное сочинение, посвященное античной мифологии. Там он повествовал: о рождении Зевса, о культе Реи-Кибелы, о Деметре, Персефоне и элевсинских мистериях, о рождении Диониса и Афины-Паллады, о Пелопсе, Кастальском источнике, Орфее¹⁴.

В некоторых случаях Максим Грек прибегает к античным образам при раскрытии христианских понятий. Так, в одном сочинении он пишет о загробном воздаянии: «Аще же ни един ин благоверен глагол и разум повинует тя будущий суд чаяти, поне многомудренный Одиссей, шед во ад, да преприт тя, овех убо благородных зря в поле илисийском светом сладким выну освещаемых, овех же паки горчайшими изтызаемых муками. К сим же да уверяют тя Минос да Радамант баснословими быти во аде судия, Кокитос да Ехерон реки огненнии, в них же осуждаются вси беззаконии за свое нечестие»¹⁵.

В сочинениях Максима Грека мы встречаем целый ряд высказываний в пользу «внешних», или «словесных», наук. Он хвалит Париж за то, что там преподается философия и «внешняго наказания всяческая уче-

⁸ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 229, 238, 247, 267, 343, 354, 359, 417, 461—463, 464; II, стр. 229; III, стр. 205, 207, 210.

⁹ Там же, I, стр. 359; II, стр. 9, 14, 84, 184; III, стр. 135.

¹⁰ ГБЛ, ф. 310, собр. Унд., № 1165 (XVII в.), лл. 20—51; ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, д. 1622 (нач. XVII в.), лл. 1—24 и др. «Повесть о Пилатове послании к Тиверию». Не издана.

¹¹ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 30 об. — 31. «Повесть о Нероне», переведена из «Словаря» Свида (Lexicon Suidaе), 1853, t. II, pars. 1, p. 966—968). Не издана.

¹² Источники см. выше, раздел I, гл. 4, прим. 17.

¹³ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 357.

¹⁴ ГПБ, Q, I, 219 (XVI—XVII вв.), лл. 556—564 об. Опубликовано В. Ф. Ржигой. См. В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. — BS, VI, 1935—1936, p. 101—105.

¹⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 14.

ния»¹⁶. В «Послании к Федору Карпу Ивановичу» он несколько раз повторяет, что «окружная учения добра и нужна суца человеческому житию» и что он не запрещает «приобщаться наказания и словесных учений, украшающих божия человека»¹⁷. В «Слове на Альманака» он пишет: «Но да не непшуете мене сего ради укоряти внешнее наказание, полезно сущее, и мало не всеми свидетельствуемо возсиявшими во благочестии. Не тако аз не благодарен ученик его»¹⁸. При изложении некоторых правоучений и в полемике против астрологии Максим Грек часто ссылается в качестве доказательства на авторитеты: «премудрого меонийца Омира» (Гомера), «многопремудренного Одиссея», «велеумного мудреца Исиода (Гесиода)», «премудрого Плутарха» и на ряд других ученых мужей древности¹⁹. Особо выделяет и горячо защищает Максим Грек пользу эллинской мудрости для филологических знаний, необходимых для понимания и перевода греческих писаний. Переводчики, говорит он, должны быть «довольно и в совершенстве научены грамматике, пиитике, риторике и самой философии»²⁰. В качестве наиболее убедительного примера он указывает на древних учителей церкви — Василия Великого, Григория Богослова и других, которые впитывали в себя книжную мудрость, отправляясь в центры тогдашней науки — Афины и Константинополь, где изучали не только христианские науки, но и языческие, эллинские.

Касаясь этой стороны литературного творчества Максима Грека, Н. К. Гудзий совершенно отрицает наличие каких-либо признаков влияния итальянского Ренессанса. В подтверждение он ссылается на то, что Максим Грек ограничивается в своих сочинениях лишь упоминанием языческих философов и писателей или краткими замечаниями о них то похвального, то критического характера.

Приведенные нами выдержки не позволяют согласиться с таким утверждением ученого. Ни у одного из русских писателей XVI в. мы не находим столь частого обращения к античности и «внешним» писаниям, какое наблюдается в произведениях Максима Грека. Уже одно это говорит, что перед нами писатель, проникнутый новыми веяниями. Сам Н. К. Гудзий готов объяснить простое упоминание Максимом языческих философов тем, что Максим предназначал свои произведения для такой среды, которая, с одной стороны, не любила всяких новшеств, а с другой, не была подготовлена к их восприятию²¹.

Но такое объяснение нельзя признать правильным. Во-первых, ученый совершенно ошибочно рассматривает окружающую Максима Грека среду любознательных друзей как не любившую всякие новшества и не способную к их восприятию. Во-вторых, не отрицается интерес самого Максима к античным авторам. Следует отметить, что, помимо приведенных высказываний Максима Грека о древних авторах и «внешних науках», у него имеется немало переводных работ, толкований (особенно важно «Толкование имен по алфавиту»²²) и других произведений, которые давали богатый материал по ознакомлению с древним миром, историей, языкознанием и географией, приобщая русских людей к этим отраслям гуманитарных знаний, заново созданным Возрождением.

Что касается встречающихся в сочинениях Максима Грека сдержанных, а иногда резко отрицательных отзывов по адресу классических писателей и «внешних» знаний, то это вызвано религиозно-нравственными мотивами,

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», III, стр. 179.

¹⁷ Там же, стр. 351, 371.

¹⁸ Там же, I, стр. 462.

¹⁹ Там же, II, стр. 9, 14, 84; III, 135.

²⁰ Там же, II, стр. 314—315; III, 62—63, 80.

²¹ Н. К. Гудзий. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — «Киевские Университетские известия», 1911, № 7, стр. 8.

²² Источники этого произведения указаны ниже. Прим. 54.

лежащими в основе мировоззрения большинства представителей раннего гуманизма. В своих религиозно-философских трактатах «De vita solitaria» («Об уединенной жизни») и «De vera sapientia» («Об истинной мудрости») Петрарка охотно цитирует высказывания классических авторов, но только такие, которые согласны с его религиозными воззрениями. Античная литература и философия имеют цену в его глазах лишь постольку, поскольку ведут к истинному богопознанию. В трактате «О невежестве» Петрарка в противовес писателям, увлекающимся языческой древностью, с усердием христианского апологета первых веков собирает все, что можно сказать дурного о языческих философах²³.

Критическое отношение к источникам знания

Интерес к классической древности в Италии конца XV—начала XVI в. привел к созданию ученых обществ, занимавшихся собиранием, изучением, переводом и изданием трудов древних авторов. При этом тексты, намеченные к переводу или изданию, подвергались тщательной критической проверке с точки зрения их подлинности и научной ценности. Одновременно происходил пересмотр принципа непрерываемого авторитета, основного принципа, на котором строилась вся средневековая система знаний.

Во времена Максима Грека на Руси господствовало преклонение не только перед авторитетом священных книг и творений церковных учителей, но и перед писанием вообще²⁴. Здесь исключалась критика. Своим критическим методом, усвоенным в итальянских кружках ученых-гуманистов, Максим наносит удар этому слепому преклонению перед авторитетами. Он решительно выступает против разной гадательной и апокрифической литературы, везде применяя новый прием, заключавшийся в том, что в рассматриваемых литературных памятниках вскрывались погрешности не только против христианского учения, но против законов мышления, против здравого смысла и исторической правды. Особенного внимания заслуживает критика Максимом Греком астрологических учений. Распространителем астрологических идей на Руси в то время являлся Николай Немчин, придворный врач великого князя Василия Ивановича.

Теоретически различались тогда: «астрология гадательная» и «астрология научная». Первая претендовала на то, чтобы узнавать характер и судьбу людей по движению звезд, вторая же стремилась предсказывать солнечные и лунные затмения, периоды засухи и дождей и другие смены погоды. На практике обе астрологии смешивались.

Максима Грека во время его пребывания в Милане познакомил с западной астрологией знаменитый итальянский астролог, медик и философ Амвросий Варезе де Росате, которого Максим называл первым астрологом своего времени²⁵.

Выступая против гадательной астрологии, Максим Грек утверждал, что она не соответствовала не только учению о промысле божием, но и здравому смыслу и факту свободной воли человека. В одном месте Максим пишет: «Еллини убо звездами сими, солнцем же и луною, востоку и западу, разумеша вся, яже о нас строится, мы же благовернии глаголем:

²³ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. I. М., 1892, стр. 190—198. По содержанию и тону трактат Петрарки «О невежестве» созвучен со статьей из «Словаря» Свида «Похвала Адаму пръвзданному», переведенной Максимом Греком (см. А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — ВВ, XIV, 1958, стр. 170—172).

²⁴ Даже такой просвещенный человек того времени, как митрополит Макарий, считал апокриф «Книга Еноха Праведного» канонической книгой (Ф. Нелидов. Максим Грек. М., 1895, стр. 11).

²⁵ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 427—429.

яко знаменія от них бывают, дождю и бездождю, студѣнству же и теплоте, мокроте и сухоте и ветрам, а наших дел никакоже; мы же самовластни бывше (создани) содетелем, властели есме своих дел»²⁶. То же самое он повторяет в двух других сочинениях²⁷.

В опровержение звездочетцев Максим Грек ссылается, между прочим, и на греческих философов Сократа, Платона и Аристотеля, называя их «честнейшими и истиннолюбнейшими еллинскими философами»²⁸.

Точка зрения Максима Грека на гадательную астрологию как на ложную науку совпадала со взглядами Петрарки²⁹, Колюччо Салютати³⁰ и с современными ему деятелями итальянского Возрождения — Савонаролой, Анджело Полициано, Пико делла Мирандола и др., причем все они касались исключительно той стороны астрологии, которая стремилась связать движение звезд с судьбой людей.

Максим Грек написал ряд сочинений против ученых-астрологов. К ним относятся: «Слово противу тщющихся звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человека»³¹, «Послание Федору Карпу Ивановичу»³², «Слово о том, яко промыслом божим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся»³³, «Послание к некоему иноку, бывшему во игуменех о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и колесе ея»³⁴, три отдельных «Сказания от части 3 песни Анны пророчицы»³⁵ и др. В этих полемических сочинениях, рассматривая астрологические писания и учения, он вскрывал внутренние противоречия, погрешности против законов мышления и исторической правды. Между прочим, в качестве исторических примеров он приводил победы Фемистокла и Александра Македонского над персами, Константина над Максенцием, Дмитрия Донского над Мамаем, говоря, что эти победы одержаны не «звездозрительными гаданми», а «воеводскими искуствы и скоростию разума»³⁶.

Едва ли можно преувеличить значение той сферы литературной деятельности Максима Грека, которая связана с переводами и критикой текстов. Большинство русских книжников не знали ни греческого, ни латинского языков, на которых написаны многие источники для русских книг. Поэтому они не могли судить о правильности сделанных раньше переводов и слепо верили в незыблемость каждой буквы. Приставленный к Максиму Греку в качестве переписчика «Толковой псалтири» Михаил Медоварцев на суде заявлял, что, когда Максим велел ему вычеркнуть из одной служебной книги некоторые строки, как лишние, отсутствующие в греческом оригинале, он говорил Максиму: «Не могу заглаживати (т. е. вычеркивать. — А. И.), дрожь меня великая объяла и ужас на меня напал»³⁷.

В результате невежества как древних переводчиков, недостаточно знавших греческий язык, так и позднейших переписчиков, «неискусных в разуме и хитрости грамматической», в некоторых книгах оказалось

²⁶ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 387, 391.

²⁷ Там же, стр. 431; II, стр. 62—63.

²⁸ Там же, I, стр. 417.

²⁹ Г. Фойгт. Возрождение классической древности. Перев. Разсадина. М., 1884, стр. 70.

³⁰ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 787—788.

³¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 399—434.

³² Там же, стр. 347—376.

³³ Там же, стр. 377—398.

³⁴ Там же, стр. 446—455.

³⁵ Не изданы. См. ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 11 об. — 18, 22—26 об. Сказания упоминает В. Ф. Ржига в своей статье: «Неизданные сочинения Максима Грека» с кратким изложением содержания и с буквальными выдержками (BS, VI, p. 89—90).

³⁶ «Сочинение Максима Грека», I, стр. 359.

³⁷ О. Бодянский. Прения Даниила, митр. Московского и всея Руси со иноком Максимом Святогорцем. Список с судного списка. — «Чтения ОИДР», 1847, № 7, стр. 9, 11, 12.

множество ошибок, которые Максим Грек постарался исправить путем тщательного сличения славянского текста с греческими оригиналами и применения грамматических правил.

Примеры обнаруженных им ошибок и правила их исправления Максим перечисляет в своих произведениях: «Исповедание православной веры»³⁸, «Сказание о еже како подобает известно блюсти исповедание православная веры»³⁹, «Слово отвещательно о исправлении книг русских . . .»⁴⁰, «Слово отвещательно о книжном исправлении . . .»⁴¹.

Заслуга Максима Грека заключается не только в том, что он первый применил в России научные приемы книжных переводов, но и в том, что он впервые познакомил русских книжников с основами грамматических знаний и с теми методами филологической критики, которые применялись в то время в научных центрах Италии при восстановлении и издании текстов древних авторов.

До Максима Грека источником грамматических знаний на Руси являлись многочисленные списки предисловия Иоанна, экзарха болгарского, к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина и статьи «О восьми частях слова», ошибочно приписываемой также Иоанну Дамаскину⁴². Списыванием и переделкой последней статьи все грамматические познания и исчерпывались на Руси до XVI в.⁴³

Максим Грек намеревался, по-видимому, создать нечто вроде грамматического руководства для русских переводчиков и книжников. Теорию грамматического искусства по греческому языку он основательно изучил еще на родине, а в Италии расширил и обогатил свои сведения в критико-филологическом направлении, работая под руководством Иоанна Ласкариса, Димитрия Халкокондила, Пико делла Мирандолы и особенно в ученом кружке издателя древних текстов Альда Мануция. Максим Грек не оставил после себя славянской грамматики, поскольку недостаточно хорошо владел живой русской речью. Но он изложил свои филологические знания в целом ряде статей грамматического и лексикографического характера в качестве руководства для русских переводчиков и книжных людей. Таковы его статьи по грамматике: «О грамматике»⁴⁴, «О греческих и славянских знаках»⁴⁵, «О грамматике инока Максима Грека святогорца объявлено на тонкословие»⁴⁶, «О прозодиях»⁴⁷, «Предисловие на грамматику»⁴⁸ и «Беседование Максима Грека о пользе грамматики»⁴⁹.

³⁸ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 23—39.

³⁹ Там же, III, стр. 54—60.

⁴⁰ Там же, стр. 60—79.

⁴¹ Там же, стр. 79—92.

⁴² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку. — ОРЯС, I, 1895, стр. 326—328, 364—365.

⁴³ М. Н. Сперанский. Лекции по истории русской литературы, стр. 116—118.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 132—133 об. Издана: ЖМНП, 1834, № 8, стр. 247—248; см. также: РФВ, 1913, № 2, стр. 485—487.

⁴⁵ Не издана. См. ГБЛ, ф. 304, собр. Тр., I, № 201 (XVII в.), гл. 115, лл. 525—526.

⁴⁶ ГПБ, Q. XVI, 1 (XVII в.), лл. 325—332. Издана И. В. Ягичем (ОРЯС, I, 1895, стр. 601—605), который привел важнейшие разночтения из рукописных сборников.

⁴⁷ Не издана. См. ГПБ, Q. I, 219 (XVI—XVII вв.), лл. 313—319.

⁴⁸ Статья находится в сборнике Румянцевского музея, № 376 (XVII в.) в «Сказании о семи свободных мудростях», лл. 252—255 и № 192 (XVIII в.), как «Предисловие грамматики», лл. 7Г—74 (А. Востоков. Описание . . . рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 239 и 561) и в рукописи: ГИМ, Хлуд. собр., № 75 (1862 г.), гл. 199, лл. 763 об. — 765. Статья напечатана впервые в 1618 г. в Москве в качестве предисловия к грамматике Мелетия Смотрицкого (лл. 40—44). Затем включена в обширное «Предисловие ко грамматике словенской», напечатанное в 1648 г., и издана отдельно в 1782 г.

⁴⁹ Статья находится в рукописном сборнике «Сочинения М. Грека» из собрания Хлудова. ГИМ, № 75 (1862 г.), гл. 200, лл. 765 об. — 771 об. Как и предшествующая статья, опубликована впервые в 1618 г. в Москве (как послесловие к грамматике Мелетия Смотрицкого) и в 1782 г. отдельно. Принадлежность последних двух статей Максиму

Перечисленные сочинения Максима Грека имели своей целью пробудить среди русских грамотных людей интерес к грамматическим знаниям как необходимой основе для правильного перевода, изложения и понимания книжных текстов. Значение этих трудов в истории развития русского языка недостаточно изучено. Несомненно, однако, что они сыграли огромную роль в истории развития на Руси грамматической науки.

Уже со второй половины XVI в. благодаря Максиму Греку стали проходить в некоторых училищах «книгу философскую», или общую грамматику. Ее учили «ученицы первоначальнии по азбуце, зане основание есть первое и подошва есть хитрости грамматичной», а грамматика — «основание и подошва всем свободным хитростям»⁵⁰. В XVII в. считали, что «несть никому же возможно право писать, аще кто не весть грамматического устроения»⁵¹, при этом, как сообщается в одном азбуковнике, учителя, обучавшие грамматике, рассказывали ученикам, что в России был «пресловутый философ и премудрый преводник божественным книгам Максим Грек» и что он оставил по себе память словенороссийскому роду, каким способом можно узнать настоящего философа. И даже приводилось сочинение Максима «О пришельцах философах»⁵².

В 1794 г. Академия наук, приступив к печатанию российской грамматики, постановила: руководствоваться грамматиками Максима Грека и Ломоносова⁵³.

Немалое значение имеют в развитии русского просвещения труды Максима Грека по лексикографии. Мы отметим здесь лишь одно из его произведений. Оно озаглавлено: «Толкование именам по алфавиту»⁵⁴. Этот словарь Максима Грека вместе с другими его лексикографическими сочинениями послужил одним из главных источников для позднейших русских азбуковников, являвшихся своего рода древнерусскими энциклопедиями⁵⁵. Таков, например, азбуковник, представленный в рукописи начала XVII в. из собрания Погодина под № 1145, хранящейся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Он озаглавлен: «Книга глаголемая лексис, сиречь неведомыя речи, превод Максима Грека от иноверных на русский язык право». Азбуковник содержит сведения по самым различным отраслям знания, заимствованные из разных книг, но главным образом из произведений Максима Грека.

В 1912 г. рукопись просматривала С. А. Щеглова и сообщила краткие сведения о ней, признав этот азбуковник сочинением Максима Грека⁵⁶.

Но в предисловии вполне ясно указывается, в какой степени проявилось участие Максима Грека в создании данного памятника. Здесь мы читаем, что толкования собраны «от истинных рачителей мудрости

Греку считается спорной (См. А. И. Иванов. Литературное наследие М. Грека, стр. 94—97).

⁵⁰ А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894, стр. 21.

⁵¹ ГБЛ, ф. 272, собр. Синод. биб-ки, № 850 (XVII в.), л. 532 (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 24).

⁵² Д. Мордощев. О русских школьных книгах XVII века. Саратов, 1856, стр. 54—55.

⁵³ «Русская старина», 1901, № 8, стр. 361—362.

⁵⁴ Не издано. Толкование дошло до нас в трех редакциях. Первая редакция в рукописях: ГБЛ, ф. 292, собр. Строева, № 8290 (XVI—XVII вв.), гл. 47, лл. 378—385; ф. 199, собр. Никиф., № 79 (XVII в.), гл. 26, лл. 199 об. — 204; ф. 256, собр. Румянц., № 265 (XVII в.), лл. 227—231; ГИМ, Шук, № 538 (XVII—XVIII вв.), гл. 26, лл. 24 об. — 29. Вторая редакция под заглавием: «Толкование имен греческих, и еврейских, и римских» — в рукописях: ГБЛ, ф. 304, собр. Тр., I, № 201 (XVII в.), лл. 481 об. — 486 об.; ГИМ, Хлуд., № 75 (1862 г.), лл. 567 об. — 572 об. Третья редакция — самая краткая, в рук.: ГИМ, Синод., № 491 (XVI—XVII вв.), гл. 37, лл. 155—156.

⁵⁵ А. Карпов. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. — «Православный собеседник, 1877», ч. I—III, приложения. Казань, 1878.

⁵⁶ В. П. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. — «Киевские Университетские известия», 1912, № 7, стр. 55—64.

паче же от премудрого философа Святыя горы инока Максима Грека» (л. 23 об.).

Н. К. Гудзий утверждает, что критические приемы, применяемые Максимом Греком при переводах и исправлении церковно-богослужебных книг, а также при оценке литературных памятников, слишком элементарны, чтобы можно было видеть здесь влияние Ренессанса. Но ученый забывает, что во времена Максима Грека текстуальная критика как наука только зарождалась на Западе. То же можно сказать и о грамматических знаниях. Интерес к ним и усвоение их итальянскими гуманистами связаны с именем византийца Мануила Хрисолора (ум. в 1415 г.)⁵⁷. Судя по тому, с какой симпатией и уважением относились к Михаилу Триволису главные сотрудники издательства Альда Мануция — Марк Музур, Николай Властос, Сципион Картеромах, Иоанн Григоропул и др., можно заключить, что молодой грек в достаточной степени овладел достижениями итальянских гуманистов в области грамматических знаний и филологической критики и был достойным членом этого ученого кружка⁵⁸. Поэтому вполне справедливо замечание Е. Голубинского, что «если бы Максим остался в Италии и занял там одну из кафедр, то в числе прославившихся тогда в Италии греческих ученых и профессоров он занял бы одно из самых выдающихся мест»⁵⁹. Заслуги Максима Грека по ознакомлению русских книжников с основами грамматических знаний и методами филологической критики были настолько значительны, что надлежащую оценку получили только много лет спустя после его смерти.

Окончание следует

⁵⁷ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 1000—1002.

⁵⁸ El. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943, p. 205, 210—211.

⁵⁹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. Половина 1-я. М., 1900, стр. 675.